

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13262

EDN: GVDNGN

«Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в критике А. А. Ухтомского

С. В. Капустина

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация),
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(г. Ярославль, Российская Федерация)*

e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Аннотация. В статье предложен презентативный критический материал к роману «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Этим материалом являются пометы, сделанные известным физиологом А. А. Ухтомским на полях первого тома Полного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина (1905–1906). Ранее не публиковавшиеся или публиковавшиеся в сокращенном виде маргиналии Ухтомского открывают перспективу прочтения романа Салтыкова-Щедрина в контексте литературной и святоотеческой традиций. С первой ученый отождествляет, прежде всего, гоголевское наследие. Одним из его проявлений А. А. Ухтомский называет параллель «Плюшкин / Головлевы», которая проясняется сквозь призму антиномии «вещи/лица». Черты второй обнаруживаются православным мыслителем при сопоставлении романа Салтыкова-Щедрина с заветами преп. Исаака Сирина: пометами фиксируется отзвук в финальной сцене тех важнейших семантических нюансов, которые святой отец выделил при осмыслении категорий «Страшный Суд» и «Раскаяние». Исследование корпуса читательских маргиналий А. А. Ухтомского к роману «Господа Головлевы» способствует уточнению характеристики Иудушки-Порфирия и причин его предсмертных страданий, а также воссозданию эксплицированных в произведении черт духовного портрета автора.

Ключевые слова: пометы на полях, маргиналии, интертекст, интерпретация, аксиологический подход, Ухтомский, Салтыков-Щедрин, Гоголь

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-01302, «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>; Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова).

Для цитирования: Капустина С. В. «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в критике А. А. Ухтомского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 176–194. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13262. EDN: GVDNGN

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.13262

EDN: GVDNGN

“The Golovlevs” by M. E. Saltykov-Shchedrin in A. A. Ukhtomsky’s Critical Works

Svetlana V. Kapustina

*Crimean Federal V. I. Vernadsky University
(Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation),*

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
(Yaroslavl, Russian Federation)*

e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Abstract. The previously unpublished notes by A. A. Ukhtomsky in the margins of the first volume of the Complete Works of M. E. Saltykov-Shchedrin (1905–1906) are proposed to be interpreted as critical presentation material for the novel “The Golovlevs” and as a road map to expand the intertextual boundaries of this work. The marginalia by A. A. Ukhtomsky open up the prospect of reading the text of M. E. Saltykov-Shchedrin in the context of literary and patristic traditions. First and foremost, the former is identified by the scientist with Gogol’s tradition. A. A. Ukhtomsky calls the parallel “Plyushkin — Golovlev” one of its manifestations, which is explained through the prism of the “things/persons” antinomy. The features of the second are revealed by an Orthodox thinker when comparing the novel by M. E. Saltykov-Shchedrin with the precepts of the ven. Isaac the Syrian: the marks record the echo of those most important semantic nuances in the final scene that the St. Father highlighted when comprehending the “Last Judgment” and “Repentance” categories. The study of the corpus of readers’ marginalia by A. A. Ukhtomsky to the novel “The Golovlevs” contributes, first of all, to clarifying the characterology of Judushka-Porfiry in general and the causes of his pre-death suffering in particular; and secondly, to recreating the features of the spiritual portrait of the author, explicated in the work.

Keywords: notes on the margins, marginalia, intertext, interpretation, axiological approach, Ukhtomsky, Saltykov-Shchedrin, Gogol

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/>; P. G. Demidov Yaroslavl State University.

For citation: Kapustina S. V. “The Golovlevs” by M. E. Saltykov-Shchedrin in A. A. Ukhtomsky’s Critical Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 176–194. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13262. EDN: GVDNGN (In Russ.)

Пометы известного физиолога Алексея Алексеевича Ухтомского на полях прочитанных им книг исследователи Г. М. Цурикова и И. С. Кузьмичев назвали «совсем миниатюрным жанром» его «самобытной интеллектуальной прозы» [Цурикова, Кузьмичев: 3]. Однако лаконичность маргиналий Ухтомского не противоречит их информативной насыщенности. В частности, большой литературно-критический потенциал имеют пометы ученого к роману «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Свои идеи и ассоциации, возникающие в процессе «погруженного» чтения этого произведения, Ухтомский максимально сжато фиксировал на полях книги из личной библиотеки — первого тома Полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина издания А. Ф. Маркса (1905–1906)¹. Этот экземпляр сохранился в фонде редкой книги библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, однако содержащийся в нем рукописный материал Ухтомского до сих пор не был опубликован².

Единственная попытка введения полного корпуса читательских помет Ухтомского в контекст академической эдиционной практики была осуществлена в сборнике «Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях» (1996) под редакцией А. С. Батуева³. Однако в этой работе была допущена

¹ Салтыков М. Е. (Н. Щедрин). Полн. собр. соч. 5-е изд. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1905. Т. 1. 648 с. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *СС* и указанием страницы в круглых скобках.

² Далее ссылки на маргиналии А. А. Ухтомского из экземпляра 1-го тома Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1905–1906 гг. (см. предыдущую сноску), хранящегося в СПбГУ, приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ухтомский* и указанием страницы в круглых скобках.

³ Заметки на полях // Ухтомский А. А. Интуиция совести: письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 451–500. Кроме указанного источника, на данный момент претендующего на статус самой полной антологии рукописного наследия А. А. Ухтомского, существуют только весьма малочисленные научные работы, в которых приводятся его избранные читательские маргиналии. Среди таковых необходимо отметить статью Э. Филипповой и Д. Тодес «Молитва как парадигма: Алексей Ухтомский, доминанта и психофизиология спасения» [Филиппова, Тодес], в которой в качестве аргументационного материала рассматриваются ранее не опубликованные пометы ученого, сделанные на полях принадлежащего ему второго тома «Добротолубия» (1895).

концептуальная ошибка: публикация поясняющих записей ученого сделана «в изоляции» от поясняемого. Таким решением составители будто бы подчеркивали смысловую полноту маргиналий Ухтомского, пытались скрыть их вторичность по отношению к условному «прототексту», но фактически — пренебрегли важнейшим указанием на те «импульсы» комментируемого произведения, которые побудили вдумчивого читателя к рефлексии.

В. Н. Захаров, предупреждая о подобных публикационных оплошностях, настаивал на сохранении зримого единства исходника и дополняющих его маргиналий, при котором в последних «происходит параллельное развитие темы, образуется метатекст к основному тексту» [Захаров: 85]. Полагаем, что пометы Ухтомского, отражая восприятие романа «Господа Головлевы» глубоко верующим православным читателем, открывают новые интертекстуальные горизонты одного из самых аксиологически неоднозначных сочинений Салтыкова-Щедрина.

Цель настоящей статьи — рассмотрение малых форм рукописного наследия А. А. Ухтомского в качестве рецептивного критического комментария к роману «Господа Головлевы». Такой — нетрадиционный для академического литературоведения — формат критики тем не менее содержательно резонирует с фундаментальными работами специалистов по творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина⁴, открывает этическую

⁴ Знаковой работой о М. Е. Салтыкове-Щедрине стал названный по имени сатирика подраздел фундаментального дидактического труда М. М. Дунаева «Православие и русская литература» [Дунаев]. О романе «Господа Головлевы» исследователь писал: «...это мир Христовых истин, вывернутых наизнанку, оскверненных и бессмысленных», хотя и отметил достоинство произведения: «...одной <...> потрясающей сцены внутреннего преображения Порфирия Головлева достаточно, чтобы поставить Салтыкова-Щедрина в ряд великих творцов русской литературы» [Дунаев: 162]. Очень важно, что отмеченное доктором богословия достоинство романа трактовалось его коллегами иных — доминирующих в советский период — аксиологических убеждений как «окончательный и беспощадный приговор, не оставивший места для гоголевских иллюзий о нравственном перерождении...» [Бушмин: 13–14]. Возможность преображения Порфирия Головлева (и, соответственно, экспликация православных идей в творчестве Салтыкова-Щедрина) утверждалась продолжателями православного направления в русской литературе. В частности, И. А. Есаулов трактует финал романа «Господа Головлевы» в свете идеи соборности: «...герой, принимая свою вину за "умертвия"»

перспективу романа «Господа Головлевы», формирует представление о духовных устремлениях не только героев, но и автора.

Ученый широчайшего научного диапазона, создавший универсальное антропологическое учение о доминанте, пылкий проницатель психологии религии и религиозного опыта, Ухтомский часто иллюстрировал собственные теоретические заключения примерами из литературы, которую осознавал как «органическую часть того предания, в мире которого жили и живут русские люди» [Хализев: 25]⁵. Вполне очевидно, что и его маргиналии к роману Салтыкова-Щедрина — результат своеобразной «апробации» на литературном материале учения о двойнике и заслуженном собеседнике. Посредством выведенных этических законов Ухтомский поясняет как траекторию духовного движения и исход земной жизни Порфирия Головлева, так и проявления в тексте аксиологических приоритетов автора.

В корпусе маргиналий Ухтомского, нацеленных на характерологию Иудушки, рационально выделить два интертекстуальных направления, которые имеют литературоведческую значимость и соотносятся с гоголевской и святоотеческой традициями.

Роман «Господа Головлевы» можно небезосновательно назвать «самым гоголевским» в творчестве Салтыкова-Щедрина: исследователи разных поколений констатировали его поэтологическую ориентированность на «Мертвые души»⁶.

и тем самым видя себя "в месте злачнем" в "предбудущей жизни", впервые обретает надежду. Внезапное прозрение героя может быть понято только в системе координат бинарной православной ментальности» [Есаулов: 9]. Попытки развития темы «Салтыков-Щедрин и Православие» не часто, но все же предпринимаются современными исследователями (см., напр., статьи Э. М. Жиликовой [Жиликова], Т. И. Хлебянкиной [Хлебянкина]).

⁵ Начатое А. А. Ухтомским соположение антропологической теории и литературных примеров было продолжено трудами исследователей, объясняющих сквозь призму законов о *двойнике* и *заслуженном собеседнике* аксиологические метаморфозы героев русской классики. В обозначенном ракурсе научного осмысления были особенно востребованы тексты Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова (см. работы: Н. Ашимбаевой [Ашимбаева], Е. А. Федоровой [Федорова], В. Г. Андреевой [Андреева] и мн. др.). Общность доминант гоголевских и щедринских героев впервые обозначена в статье Е. А. Федоровой и С. В. Капустиной [Федорова, Капустина].

⁶ См., напр.: [Ауэр], [Бушмин], [Баранов], [Горячкина], [Жук], [Никитина], [Рясов], [Немыкина], [Шестопалова] и мн. др.

Как отмечает Н. П. Ларионова, «на момент выхода в свет первых глав будущего романа критики отмечали, что образ Иудушки, созданный Салтыковым-Щедриным, занял достойное место среди уже имеющих в литературе типов, "каковы Чичиков, Ноздрев, Собакевич, Коробочка, Простакова, Плюшкин и др."» [Ларионова].

Именно с последним из перечисленных персонажей Гоголя Ухтомский соотносит Порфирия Головлева, потерявшего мать и переживающего «чадъ плотскаго вождельнiя» Евпраксеюшки (СЩ: 324). На левом боковом поле книжной страницы он вертикальной линией отчеркнул абзац, повествующий о встрече Иудушки с отвлекшейся от кутежа экономкой, и сопроводил графическую отметку записью: «*Плюшкинъ.*»⁷ (Ухтомский: 324).

Учитывая то, что выделенный А. А. Ухтомским фрагмент начинается с описания внешнего вида Головлева («въ засаленномъ халатѣ, изъ котораго мѣстами выбивалась уже вата; онѣ былъ блѣденъ, нечесанъ, обросъ какой-то щетиной вмѣсто бороды» (СЩ: 324)), можно сделать поверхностный вывод о том, что основной критерий соотнесения Иудушки с Плюшкиным — портретное сходство. Однако вертикаль, проведенная Ухтомским под текстовой маргиналией, на строках о внешности Головлева не прерывается, распространяясь и на последующий диалог. Значит, и этот отрывок, по Ухтомскому, указывает на сходство героев. В чем же оно заключается?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к указанному фрагменту:

«— Баринушка! Что такое? что случилось? — бросилась она къ нему въ испугѣ.

Но Порфирій Владимiрычъ только глупо-язвительно улыбнулся въ отвѣтъ на ея восклицанiе, словно хотѣлъ сказать: а ну-ка, попробуй теперь меня чѣмъ-нибудь уязвить!

— Баринушка! да что такое? Говорите, что случилось? — повторила она.

Онѣ всталъ, уставилъ въ нее исполненный ненависти взглядъ и съ разстановкой произнесъ:

— Если ты, дѣвка распутная, еще когда-нибудь... въ кабинетъ ко мнѣ... Убью!» (СЩ: 324).

⁷ Здесь и далее полужирным курсивом выделяются ранее не опубликованные маргиналии А. А. Ухтомского.

Во-вторых, попытаемся объяснить этот фрагмент сквозь призму этического учения Ухтомского.

Итак, Иудушка Головлев, испытывая ненависть к другому лицу — Евраксеюшке — и, следовательно, все более сосредоточиваясь на себе, грозит ей убийством, если она войдет в кабинет. Почему для него принципиально важна эта локация? Отчего он так выделяет свою рабочую комнату среди прочих помещений? Думается, недопущение «дѣвки распутной» именно в кабинет объясняется тем, что он стал для Иудушки суррогатом кельи, в которой хоть и был киот со святыми образами, но почитались, прежде всего, «предметы стяжанія» (СЩ: 219). В кабинете герой «стоялъ на молитвѣ <...> не потому, что любилъ бога и надѣялся посредствомъ молитвы войти въ общеніе съ нимъ, а потому что боялся черта и надѣялся, что богъ избавитъ его от лукаваго» (СЩ: 219); в нем же служил своему идолу, воспринимаемому как «святое дѣло», — цифре (СЩ: 331).

Иллюстрируя мысль об одержимости Иудушки цифрами, Салтыков-Щедрин написал: «Онъ стучитъ на счетахъ, выводитъ на бумагѣ столбцы цифръ — словомъ готовить все, чтобъ изобличить Арину Петровну» (СЩ: 331), а Ухтомский подчеркнул эти строки карандашом и сделал помету: «**Образование теоріи-экрана**» (Ухтомский: 331). Приведенная маргиналия поясняется контекстом из письма Ухтомского его близкому другу В. А. Платоновой от 12 декабря 1937 г.: «И когда человек принял природу за мертвую и вполне податливую для его вожделений среду, <...> это лишь закрыло от человеческих глаз ту содержательную и обязывающую правду, которою живет действительность. Слеп, оглушился человек своими страстями <...>. И тогда само собою двойник застилает для человека реального собеседника. Двойник становится как экран между человеком и собеседником, подменяя последнего двойником. <...> И нужен обыкновенно немалый труд, прежде чем экран будет пробит к собеседнику в его подлинном содержании»⁸.

⁸ Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 175–176. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ухтомский*, 1996 и указанием страницы в круглых скобках.

Следовательно, Порфирий Головлев закрыт от других (даже фантазийных собеседников) скорлупой двойничества, крепнущей от того, что в его сознании произошла подмена святого профанным. Герой будто бы овеществляет иконы и одухотворяет вещи. Эта характеристика, безусловно, обнаруживает внутреннюю близость Головлева с Плюшкиным и, по Ухтомскому, указывает на одинаково искаженную для них Истину: «Для того, кто видит в мире одни лишь более или менее повторяющиеся в е щ и и связи между в е щ а м и, — истина есть удобная для меня, моя собственная абстракция, которая меня успокаивает, удовлетворяет и вооружает для новых побед над в е щ а м и. Для тех же, кто однажды учуял в мире лицо, истина есть страшно важная и обязывающая задача жизни, все отодвигающая в истории вперед, драгоценная и любимая» (*Ухтомский*, 1996: 244).

Однако Ухтомский оставляет надежду на прозрение Иудушки. Напротив подчеркнутых строк «Въ этомъ омутѣ фантастическихъ дѣйствій и образовъ главную роль играла какая-то болѣзненная жажда стяжанія» (*СЩ*: 322) он написал: «**Доминанта лица, выделившаяся, как дайк выветривания, к старости**»⁹ (*Ухтомский*: 322). Значит, «экран» двойника может быть пробит Головлевым переориентацией на другое лицо, но для этого герою, подобно дайку (т. е. каменному нагромождению, столетиями приобретающему свою форму под действием ветра), нужно закалиться испытаниями, обрести силу — хотя бы к финалу земного пути. В противном же случае он обрекает себя на вечную слабость: ведь, по Ухтомскому, только «слабые люди предпочитают жить с вещами, чем с человеческими лицами» (*Ухтомский*, 1996: 394).

Важно, что доминанта лица пусть скоротечно, но все же проявляется в сознании и Головлева, и Плюшкина. Персонаж «Мертвых душ», единственный из всех помещиков, показан в динамике. Мы узнаем его прошлое (раньше был просто

⁹ Приведенная помета оформлена А. А. Ухтомским не по правилам дореформенной орфографии, как большинство его комментариев. Тем не менее особенности почерка и специфический способ записывания (сначала карандашом, а поверх него чернилами) указывают на то, что авторство строк принадлежит Ухтомскому. Вероятно, он обращался к данному изданию неоднократно и делал записи на полях до и после 1918 г. — времени принятия реформы русской орфографии.

рачительным хозяином) и видим свет на его лице, когда он вспоминает приятеля юношеских лет. Салтыков-Щедрин также показывает изменение Иудушки: как в Плюшкине, в нем на мгновение пробуждается «какая-то искорка», когда возвращается его сын (СЩ: 261). Но рядом с упоминанием «искорки» в душе Порфирия Владимировича Ухтомский замечает на полях: **«Логически, но дѣйствующее начало, дающее точку опоры, хотя и ложную! И причина ложной религиозности не въ физиологii, а въ психологическомъ (нравственномъ) фактѣ»** (Ухтомский: 261).

Думается, «причина ложной религиозности» Иудушки в том, что он обращается к Богу лишь из боязни бесовщины. Он не воспринимает Творца и Искупителя как всеобъемлющую Любовь, не укрепляется Его заветами, а лишь механически отбивает земные поклоны у киота и отвлеченно произносит текст молитв, надеясь, что такая «вера» уберезет его от тьмы. Примечательно, что и Ухтомский, наблюдая «духовную практику» Головлева, недоумевает: **«Что же онъ называлъ "молитвою"? Что это было за психологическое состояніе? Какъ это укрѣпило его на предательство?»** (Ухтомский: 300–301). Этими вопросами исследователь задается по поводу молитвы Иудушки перед разговором с Улитой о разрыве отношений, который Головлев объясняет покорностью «воле святой», но, полагаем, они сопряжены и с размышлением о «ложной религиозности» героя-пустослова.

Предрекаемая Ухтомским доминанта лица начала проявляться в сознании Иудушки лишь в последние дни его земной жизни. *Каменное сердце*¹⁰ состарившегося грешника животворящими каплями Истины подточило ощущение «непосильной смуты»¹¹, чего-то «громадного, которое до сихъ поръ нѣподвижно стояло, прикрытое непроницаемою завѣсою,

¹⁰ Емкое понятие, употребленное А. А. Ухтомским в записной книжке 1903 г.: «Первое, что надо, — это решительно отвергнуться себя. Иначе же ты несешь всю скверну, жестокость и каменное сердце с собою и тогда, когда преступаешь к Престолу Божию, а это делает тебя Иудую, отрезающим самому себе мало-помалу выход из ада» (Ухтомский, 1996: 339).

¹¹ Словосочетание подчеркнуто А. А. Ухтомским волнистой линией; абзац помечен двумя вертикалями.

и только теперь двинулось навстрѣчу, каждоминутно угрожающая раздавить» (СЩ: 361–362)¹². Таинственное нечто ученый идентифицировал на верхнем поле страницы как «**Страшный Судъ**» (Ухтомский: 362).

Этим предощущением, по Ухтомскому, объясняется происходящая в душе Иудушки переориентация от ego к alter, выразившаяся во внутренне сокрытом осознании вины перед матерью и внешне проявленном сочувствии к Анниньке. Именно племянницу, приехавшую в Головлево умирать, впервые искренне жалеет Порфирий Владимирович:

«Онъ всталъ и нѣсколько разъ въ видимомъ волненіи прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, подошелъ къ Аннинькѣ и погладилъ ее по головѣ.

— Бѣдная ты, бѣдная ты моя! — произнесъ онъ тихо» (СЩ: 362).

Этот фрагмент помечен Ухтомским на полях двумя вертикальными линиями, слова Головлева подчеркнуты.

Сочувствие Порфирия — следствие внезапного обретения им собеседника в лице матери. Важно, что сосредоточению Головлева на другом не препятствует уход Арины Петровны в мир иной: ведь, по Ухтомскому, «ни смерть, ни мучения не могут "решить" интеграла человеческого лица, — он переживает всякие обстоятельства, вечно жив» (Ухтомский, 1996: 394–395). Мучимый своей виной перед Ариной Петровной, герой чувствует потребность покаяться: «...надо на могилку къ покойной маменькѣ проститься сходить!» (СЩ: 272). Это происходит в канун Страстной пятницы, после чтения Евангелия Страстей Господних.

Салтыков-Щедрин связывает внутреннюю трансформацию Иудушки с пробуждением совести, которая в герое «не вовсе отсутствовала, а только была загнана и какъ бы позабыта, и вслѣдствие этого утратила ту дѣятельную чуткость, которая обязательно напоминаетъ человѣку о ея существованіи» (СЩ: 362). Ухтомский подчеркивает эти слова и на левом боковом поле делает помету: «**Ср. Исаака Сирина о мукахъ раскаянія любви**» (Ухтомский: 362). Эта маргиналия Ухтомского открывает ценнейшую для литературоведения перспективу

¹² Подчеркнуто А. А. Ухтомским прямой линией и выделено на полях двумя вертикалями.

осмысления идей романа «Господа Головлевы» в зеркале свято-отеческой традиции. В частности, ученым пунктирно отмечается параллель между чувствами стоящего на пороге смерти *осовестившегося* грешника и тем, «как Исаак Сирин понимал "геенну" и Суд» (Ухтомский, 1996: 216).

Следуя указанию Ухтомского, сравним содержание Слова 18 из «Слов подвижнических» преп. Исаака Сирина Ниневийского с предощущением Страшного Суда Иудушкой.

Слово 18: «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! И как горько и жестоко это мучение любви! Ибо ощутившие, что погрешили они против любви, терпят мучение вящее всякого приводящего в страх мучения; печаль, поражающая сердце за грех против любви, страшнее всякого возможного наказания. Неуместна никому такая мысль, что грешники в геенне лишаются любви Божией. Любовь есть порождение ведения истины, которое (в чем всякий согласен) дается всем вообще. Но любовь силою своею действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается другу терпеть от друга, и весели собою соблювших долг свой. И вот, по моему рассуждению, геенское мучение есть раскаяние. Души же горних сынов любовь упоевает своими утехами»¹³.

Внезапно проснувшаяся совесть Порфирия Головлева, находящегося на пограничье земного и Вечного, и есть тот самый «бич любви», против которой герой восставал «въ течение долгой пустоутробной жизни», преисполненной умертвий (приведенная цитата подчеркнута А. А. Ухтомским) (СЦ: 368). «Мучениями любви», открывающимися герою «в геенне», и объясняется его «агонія раскаянія» (СЦ: 368).

Примечательно, что и в непосредственном толковании Страшного Суда Ухтомским проявляются нарративы аввы Исаака: «Страшный суд в том, что в последний час в человеке окажутся одни лишь не преданные, не осуществленные, не отреагированные глубины! Одни не высказанные волнения! Когда вспомнится вся жизнь и окажется ни в чем и нигде не законченной, ведь это будет одной сплошной душевной раной!» (Ухтомский, 1996: 410).

¹³ Сирин Исаак, преп. Слова подвижнические. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2002. С. 198.

Вину за мучения Порфирия Головлева на пороге смерти Ухтомский во многом возлагает на его создателя. Когда Салтыков-Щедрин замечает по поводу последних дней Иудушки, что «ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно было бы удержаться», — Ухтомский пишет на полях: **«Ой, въ этомъ-то повинень и самъ авторъ!»** (Ухтомский: 366). Своеобразный «обвинительный приговор» Салтыкову-Щедрину Ухтомский вынес сначала карандашом, а поверх него чернилами, зафиксировав на пустой половине последней страницы романа: **«Но такъ»¹⁴ и нтъ "отпущенія", нтъ христіанскаго исхода для грѣха и преступленія, въ сознаниі автора? Слѣпо и безвыходно кончаютъ его несчастные персонажи! И это оттого, что Христось понимается лишъ какъ отрывокъ далекаго преданія, въ большей своей части отвергнутаго и запакощеннаго собственнымъ духомъ глумленія и осужденія! а съ одними «отвлеченными чувствованіями» (=78) ужас жизни не побѣждается.....»** (Ухтомский: 374).

Симптоматично, что Ухтомский, называя Салтыкова-Щедрина «великим писателем» (Ухтомский, 1996: 31), восхищаясь проникновенностью его фантастики¹⁵ и стремлением к «попытке образумить самоуверенную глупость» (Ухтомский, 1996: 486), все же отмечал в нем «еретическое сознание» (Ухтомский, 1996: 485), пренебрежение духом Христа в угоду страсти к сатире. Литератор, согласно Ухтомскому, не смог открыть героям романа «Господа Головлевы» возможности приобщиться «живой жизни»¹⁶ вследствие собственной отвлеченности от Христова предания. Ухтомский подчеркнул духовную неукрепленность сатирика, указав на аксиологическую пропасть между ним и тем, кого традиционно называют его творческим предтечей:

¹⁴ Нередко в маргиналиях Ухтомского наблюдается смешение правил до- и постреформенной орфографии.

¹⁵ «Фантастика Салтыкова смотрит в будущее, воспроизводит его до поразительной проникновенности, до сновидения!» (Ухтомский, 1996: 483).

¹⁶ В основе феномена «живая жизнь» Ухтомский видел способность абстрагирования от «Я» и сосредоточенности на Собеседнике: «...мысль и жизнь с упором на лицо другого это уже не философия, не самоуспокоенная кабинетная система, а сама волнующаяся живая жизнь, "радующаяся радостями другого и болеющая болезнями другого"!» (Ухтомский, 1996: 83).

«...Салтыкову стал чужд и непонятен дух того же Гоголя, выразившийся в "Переписке с друзьями", дух святого сомнения к себе, поднявшийся до сожжения сатиры над людьми. Выхода из сатиры у Салтыкова нет — в нем сатира посягает на всех и все» (Ухтомский, 1996: 484).

Несмотря на категоричность вынесенного Салтыкову-Щедрину «обвинительного приговора», Ухтомский в процессе чтения романа «Господа Головлевы» обнаруживает некоторые «смягчающие обстоятельства». Так, строки: «около этой-то перекатной голи стелеть Иудушка свою бесконечную паутину, по временамъ переходя въ какую-то неистовую фантастическую оргію» — ученый сопровождает сноской «(xxx)», а внизу страницы расшифровывает: «(xxx) **Прозрение**» (Ухтомский: 331). Безусловно, эта помета относится к Салтыкову-Щедрину, ведь именно он прозрел беспросветную одержимость Иудушки.

Сополагая страсть к сатире Салтыкова-Щедрина с его же страданием от болей России, Ухтомский считает, что «одно из самых вещих слов, до которых иногда возвышался в своей скорби» писатель, следующее: «...действительное единение с народом по малой мере столь же мучительно, как и сдирание с живого организма кожи ради осуществления исторических утешений. Не призыва требует народ, а подчинения, не руководства и ласки, а самоотречения. В такие минуты к этому валяющемуся во тьме и недугах миру нельзя подойти иначе, как предварительно погрузившись в ту же самую тьму и боля тою же самую проказою, которая грозит ее истребить» (Ухтомский, 1996: 485). Ученый будто бы дополняет мысль Салтыкова-Щедрина православными акцентами, определяет спасающую скрепу русского народа: «Это возможно исключительно в единении через Христово предание по завету древней русской церкви. Никаких других "рецептов" нет и быть не может!» (Ухтомский, 1996: 485).

Маргиналии Ухтомского к «Господам Головлевым» — своеобразный камертон ценностных контекстов романа. И однословные записи ученого на полях книги Салтыкова-Щедрина, и пространные умозаключения, которыми рефлексирующий читатель заполнял страничные пустоты, *ориентируют* исследователей, нацеленных на открытие этической перспективы

одного из самых неоднозначных сатирических произведений русской классики. Благодаря «подсказкам» основателя теории доминанты для исследователя минимизируется риск ошибочного определения объекта аксиологических ориентиров как героев романа «Господа Головлевы», так и их создателя.

Солипсичность Иудушки становится причиной его «пустотробной жизни», в которой вещи важнее лиц, а цифры священнее ликов. В страсти Порфирия к стяжательству Ухтомский находит сходство с Плюшкиным. Важно, что гоголевский и щедринский двойники не лишаются возможности обрести собеседника, однако доминанта на лицо проявляется у них лишь на исходе земного пути.

Жажда освободиться от двойника и пробить экран, заслоняющий умертвиями благодать живой жизни, возникает у Иудушки на пороге судного дня. Его агонию Ухтомский соотносит с описанными преп. Исааком Сириным муками грешников раскаянием любви. Опалая душу о пламя «геенны» и терзаясь бичом любви, Порфирий обретает собеседника внутреннего (Арина Петровна) и внешнего (Аннинька).

Причину головлевских трагедий Ухтомский видит в авторской неукрепленности во Христе. Ученый не отрицает литературного мастерства Салтыкова-Щедрина, но ощущает в его произведениях недостаток духовной глубины.

Список литературы

1. Андреева В. Г. «Доминанты» жизни и поведения Николая I в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс: мат-лы V Всерос. с Междунар. участием науч. конф. / сост. Е. А. Федорова. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 18–31.
2. Ауэр А. П. Салтыков-Щедрин и Гоголь: опыт типологического изучения // Русская литература XIX века: традиция и поэтика. Коломна: Изд-во Коломен. гос. пед. ин-та, 2008. С. 121–126.
3. Ашимбаева Н. Т. Двойник или «заслуженный собеседник»: некоторые вопросы поэтики Достоевского в свете взглядов А. А. Ухтомского на человека и его отношения с окружающим миром // Достоевский и мировая культура: альманах / отв. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Серебряный век, 1999. № 13. С. 123–131.
4. Баранов С. Ф. Гоголевские традиции в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина // Труды Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы: [сб. ст.]. М.: УДН им. П. Лумумбы, 1964. Т. 4: Вопросы литературоведения. Вып. 1. С. 3–20.

5. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина: избр. тр. / под ред. Д. С. Лихачева, В. Н. Баскакова. Л.: Наука, 1987. 465 с.
6. Горячкина М. С. Традиции гоголевской сатиры в творчестве Салтыкова-Щедрина // Гоголь и литература народов Советского Союза: [сб. ст.]. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1986. С. 87–104.
7. Дунаев М. М. Православие и русская литература: учебное пособие для духовных семинарий / под общ. ред. В. А. Шленова. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009. 512 с.
8. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 288 с.
9. Жилиякова Э. М. Евангельские истоки скорбной сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 298–309 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2628> (20.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2628
10. Жук А. А. От Гоголя к Щедрина (эволюция поэтики русской сатиры) // Салтыков-Щедрин, 1826–1976: Статьи. Материалы. Л.: Наука, 1976. С. 145–164.
11. Захаров В. Н. Поэтика и жанр маргиналий в записных книжках и рабочих тетрадях Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 3. С. 85–100 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (20.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461
12. Ларионова Н. П. Дантовские мотивы в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» // Ученые записки Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). С. 1–8.
13. Немыкина И. В. Поэтика «чужих» образов в прозе М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
14. Никитина Н. С. К вопросу о гоголевских традициях в творчестве Салтыкова-Щедрина // Русская литература. Л.: Наука, 1978. № 1. С. 155–163.
15. Рясов Д. Л. Немецкие образы в творчестве Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина: к вопросу о литературной традиции // Гоголь и мировая художественная культура. Двадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. ст. по мат-лам междунар. науч. конф. (Москва, 8–10 октября 2020 г.). М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2021. С. 123–128.
16. Федорова Е. А. Телеологический сюжет в романах «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Толстого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 102–129 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1700749148.pdf (20.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13123. EDN: JHRFCP
17. Федорова Е. А., Капустина С. В. Диалог Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина с читателем: аксиологический аспект // Филологические чтения: мат-лы VI Всерос. науч. конф. «Филологические чтения», посвященной 75-летию со дня рождения И. А. Стернина (1948–2022) / сост. Е. А. Федорова, ред. М. В. Шаманова. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2023. С. 187–195.

18. Филиппова Э., Тодес Д. Молитва как парадигма: Алексей Ухтомский, доминанта и психофизиология спасения // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15. № 1. С. 7–60 [Электронный ресурс]. URL: http://shb.nw.ru/wp-content/uploads/2023/04/IBI_2023_01-4.pdf (20.08.2023). DOI: 10.24412/2076-8176-2023-1-7-60
19. Хализев В. Е. Интуиция совести (теория доминанты А. А. Ухтомского в контексте философии и культурологии XX века) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. Вып. 6. С. 22–43 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2512> (20.08.2023). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2512
20. Хлебьянкина Т. И. «Святой старик» (Салтыков-Щедрин и православие) // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. С. 819–822.
21. Цурикова Г., Кузьмичев И. Странная профессия — писательство // Ухтомский А. А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петерб. писатель, 1996. С. 3–23.
22. Шестопалова Г. А. Гоголевские традиции в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 4. С. 176–181 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/1793> (20.08.2023).

References

1. Andreeva V. G. “Dominants” of the Life and Behavior of Nicholas 1st in the Short Novel of L. N. Tolstoy “Hadji Murad”. In: *Filologicheskie chteniya. Chelovek. Tekst. Diskurs: materialy V Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii [Philological Readings. Human. Text. Discourse: Materials of the 5th All-Russian Scientific Conference with International Participation]*. Yaroslavl, Filigran’ Publ., 2022, pp. 18–31. (In Russ.)
2. Auer A. P. Saltykov-Shchedrin and Gogol: Experience of Typological Study. In: *Russkaya literatura XIX veka: traditsiya i poetika [Russian Literature of the 19th Century: Tradition and Poetics]*. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2008, pp. 121–126. (In Russ.)
3. Ashimbaeva N. T. Double or “Honored Interlocutor”: Some Questions of Dostoevsky’s Poetics in the Light of A. Ukhtomsky’s Views on Man and His Relationship with the Surrounding World. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura: al’manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 1999, no. 13, pp. 123–131. (In Russ.)
4. Baranov S. F. Gogol’s Traditions in Satire by M. Saltykov-Shchedrin. In: *Trudy Universiteta druzhby narodov imeni Patrisa Lumumby [Proceedings of the Peoples’ Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba]*. Moscow, The Peoples’ Friendship University of Russia Named After Patrice Lumumba Publ., 1964, vol. 4, issue 1, pp. 3–20. (In Russ.)

5. Bushmin A. S. *Khudozhestvennyy mir Saltykova-Shchedrina: izbrannyye trudy* [*The Artistic World of Saltykov-Shchedrin: Selected Works*]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 465 p. (In Russ.)
6. Goryachkina M. S. Traditions of Gogol's Satire in the Works of Saltykov-Shchedrin. In: *Gogol' i literatura narodov Sovetskogo Soyuz* [*Gogol and the Literature of the Peoples of the Soviet Union*]. Yerevan, Yerevan State University Publ., 1986, pp. 87–104. (In Russ.)
7. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura: uchebnoe posobie dlya dukhovnykh seminariy* [*Orthodoxy and Russian Literature: a Textbook for Theological Seminaries*]. Sergiev Posad, Moscow Theological Academy Publ., 2009. 512 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
9. Zhilyakova E. M. Evangelical Sources of Mikhail Saltykov-Shchedrin's Sorrowful Satire. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, vol. 6, pp. 298–309. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2628> (accessed on August 20, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2628 (In Russ.)
10. Zhuk A. A. From Gogol to Shchedrin (Evolution of the Poetics of Russian Satire). In: *Saltykov-Shchedrin, 1826–1976: Stat'i. Materialy* [*Saltykov-Shchedrin, 1826–1976: Articles. Materials*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 145–164. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Poetics and Genre of Marginalia in Fyodor Dostoevsky's Notebooks and Workbooks. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2018, vol. 16, no. 3. pp. 85–100. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538994799.pdf (accessed on August 20, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5461 (In Russ.)
12. Larionova N. P. Dantovsky Motifs in the Novel of M. E. Saltykov-Shchedrin's "Messrs Golovlevs". In: *Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Notes of the Kursk State University*], 2011, no. 2 (18), pp. 1–8. (In Russ.)
13. Nemykina I. V. *Poetika "chuzhikh" obrazov v proze M. E. Saltykova-Shchedrina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [*The Poetics of "Alien" Images in the Prose of M. E. Saltykov-Shchedrin. PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Voronezh, 2006. 24 p. (In Russ.)
14. Nikitina N. S. On the Question of Gogol's Traditions in the Works of Saltykov-Shchedrin. In: *Russkaya literatura*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, no. 1, pp. 155–163. (In Russ.)
15. Ryasov D. L. German Images in the Works of N. V. Gogol and M. E. Saltykov-Shchedrin: on the Question of Literary Tradition. In: *Gogol' i mirovaya khudozhestvennaya kul'tura. Dvadsatye Gogolevskie chteniya: sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 8–10 oktyabrya 2020 g.)* [*Gogol and World Artistic Culture. Twentieth Gogol*

- Readings: a Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference (Moscow, October 8–10, 2020)*. Moscow, Novosibirsk, Novosibirsk Publishing House Publ., 2021, pp. 123–128. (In Russ.)
16. Fedorova E. A. Teleological Plot in the Novels “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin and “War and Peace” by L. N. Tolstoy. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2023, vol. 21, no. 4, pp. 102–129. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1700749148.pdf (accessed on August 20, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13123. EDN: JHRFCP (In Russ.)
 17. Fedorova E. A., Kapustina S. V. Dialogue of N. V. Gogol and M. E. Saltykov-Shchedrin with the Reader: an Axiological Aspect. In: *Filologicheskie chteniya: materialy VI Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii “Filologicheskie chteniya”, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Sternina (1948–2022) [Philological Readings: Materials of the 6th All-Russian Scientific Conference “Philological Readings”, Dedicated to the 75th Anniversary of the Birth of I. A. Sternin (1948–2022)]*. Yaroslavl, The Yaroslavl Demidov State University Publ., 2023, pp. 187–195. (In Russ.)
 18. Filippova E., Todes D. Prayer as Paradigm: Aleksei Ukhtomsky, the Dominant, and the Psycho-Physiology of Salvation. In: *Istoriko-biologicheskie issledovaniya [Studies in the History of Biology]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 7–60. Available at: http://shb.nw.ru/wp-content/uploads/2023/04/IBI_2023_01-4.pdf (accessed on August 20, 2023). DOI: 10.24412/2076-8176-2023-1-7-60 (In Russ.)
 19. Khalizev V. E. Intuition of Conscience (Aleksei Ukhtomsky’s Concept of Dominant in the Context of 20th Century Philosophy and Cultural Studies). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2001, vol. 6, pp. 22–43. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2512> (accessed on August 20, 2023). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2512 (In Russ.)
 20. Khlebyankina T. I. “The Holy old Man” (Saltykov-Shchedrin and Orthodoxy). In: *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra: lichnost’ i tvorchestvo M. E. Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra: the Personality and Works of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: an Anthology]*. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2013, pp. 819–822. (In Russ.)
 21. Tsurikova G., Kuzmichev I. A Strange Profession is Writing. In: *Ukhtomskiy A. A. Intuitsiya sovesti: Pis’ma. Zapisnye knizhki. Zаметki na polyakh [Ukhtomsky A. A. Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Notes in the Margins]*. St. Petersburg, Peterburgskiy pisatel’ Publ., 1996, pp. 3–23. (In Russ.)
 22. Shestopalova G. A. Gogol Traditions in the Works of M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology]*, 2009, no. 4, pp. 176–181. Available at: <https://www.philologymgou.ru/jour/article/view/1793> (accessed on August 20, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Капустина Светлана Владимировна, Svetlana V. Kapustina, PhD (Филологический кандидат филологических наук, доцент (Philo-кафедры русского языка и культуры речи Института филологии, Крымский федеральный университетим. В. И. Вернадского (пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007); научный сотрудник Управления научных исследований и инноваций, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ул. Советская, 14, г. Ярославль, Российская Федерация, 150003); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>; e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru. Associate Professor at the Department of Russian Language and Speech Culture of the Institute of Philology, Crimean Federal V. I. Vernadsky University (pr. Vernadskogo 4, Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russian Federation); Researcher at the Office of Scientific Research and Innovation, P. G. Demidov Yaroslavl State University (ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl, 150003, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>; e-mail: Kapustina_S_V@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 01.09.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.11.2023

Принята к публикации / Accepted 18.11.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2024